

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (А. С. Герд, Г. С. Лебедев, С.-Петербург)	5
Введение (А. С. Герд, С.-Петербург)	8

Древняя Фенноскандия

Древнейшее население Фенноскандии (В. Я. Шумкин, С.-Петербург)	17
--	----

Верхнее Поднепровье, Подвинье и Верхняя Русь как древнейшие зоны славяно-финского взаимодействия

Днепро-Двинская историко-культурная зона по данным археологии (В. А. Булкин, С.-Петербург)	25
Верхняя Русь по данным археологии и древней истории (Г. С. Лебедев, С.-Петербург)	31
Верхняя Русь в свете данных русистики (А. С. Герд, С.-Петербург)	59
История расселения на территории Верхней Руси (А. А. Селин, С.-Петербург)	72
Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI–XVII вв. (А. А. Селин, С.-Петербург)	86
Верхняя Русь по данным этнографии (И. И. Шангина, Т. А. Зимина, С.-Петербург)	100
Культура вокальных мелодий-сигналов (лесных кличей) на Северо-Западе России (М. А. Лобанов, С.-Петербург)	120
Некоторые музыкально-фольклорные ареалы и границы Верхней Руси (В. А. Лапин, С.-Петербург)	132
Календарные напевы Верхнего Поднепровья и Подвинья (А. А. Гаджиева, С.-Петербург)	139
Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук (О. И. Конькова, С.-Петербург)	188
Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников (В. А. Назаренко, А. А. Селин, С.-Петербург)	232
Юго-Восточное Приладожье по данным прибалтийско-финского языкознания (И. Муллонен, Петрозаводск)	248
Исторические границы и ареалы на территории Днепро-Двинской историко-культурной зоны и Верхней Руси по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург)	252

Приладожская Карелия

История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. (А. И. Сакса, С.-Петербург)	257
Валаамский и Коневский (Коневецкий) монастыри (Л. Сиилин, Йозенсуу, Финляндия)	272
Приладожская Карелия по данным этнографии (К. Хейкинен, Йозенсуу, Финляндия)	292

ПРИЛАДОЖСКАЯ КАРЕЛИЯ ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ

Исторические слои культуры. Ограничить рассмотрение финской и карельской народной культуры XVII веком довольно сложно, так как именно начиная с XVI–XVII вв. народная культура приобретает много новых черт. В плане этнографического изучения XVI–XVII вв. чрезвычайно важны, так как именно с этого времени в культурах Западной и Восточной Финляндии развиваются признаки, дифференцирующие эти два региона.

И. Талве делит финскую народную культуру (не выделяя особо культуру карелов Финляндии) на следующие периоды: доисторическое время, раннее средневековье (до Ореховецкого мира 1323 г.), среднее средневековье (XIV–XV вв.), от средневековья к новому времени (1500–1720). После XVIII в. характер народной культуры существенно меняется [Talve 1980]. Наступает период так называемой гетерогенной культуры, которая в данном очерке не рассматривается.

В этнографических исследованиях принято делить народную культуру на исторические культурные слои. К ним относятся промысловая культура (охота и рыболовство), сельскохозяйственная культура и промышленность. М. Сармела, кроме того, разделяет земледелие на пашенное и подсечное. Если в Западной Финляндии переход от промысловой культуры к подсечному и пашенному земледелию начался на рубеже новой эры, то в Саволаксе еще долго, вплоть до XIX в., царили промысловая культура и подсечное земледелие. М. Сармела особо подчеркивает, что «подсечная культура» Саволакса противопоставлена «западной (финской) крестьянской культуре» [Sarmela 1994]. Но и в предлагаемой им модели в восточно-финской и карельской культуре есть внутренние различия. В ходе промышленного развития XIX в. Юго-Восточная Финляндия начинает приобретать все большее своеобразие. Южный Саволакс, восточное побережье Финского залива, Карельский перешеек и частично Карелия все больше ориентируются на Петербург [Talve 1980; Sarmela 1994; Alaruto 1980]. Ориентация на Петербург четко просматривалась также в приграничной Карелии [Heikkinen 1989; Näntönen 1993]. Карельский перешеек и Приграничная Карелия начинают быстрее, чем северные районы Карелии, переходить на новые формы экономики. Это происходило независимо от того, что в традиционной культуре Приграничной Карелии еще в XIX в. сохранялись черты промысловой культуры и подсечного земледелия.

Выделение слоев культуры помогает в решении сложных вопросов хронологизации и заимствования. Общепринятым считается, что промысловая культура является наиболее древней и имеет общую финно-угорскую основу. По мнению Р. Ф. Тароевой, изучавшей материальную культуру карел, в наиболее древнем слое культуры наблюдаются те же черты, что и в культуре других финно-угорских народов. Сюда относятся древний тип построек, лодки-долбенки, древний тип лыж, лодки-волокуши (ahkivo), некоторые орудия охоты и рыбной ловли и архаичные способы хранения продуктов питания. Эти особенности представляют общую культуру северной таежной зоны. Позднее карелы переняли многие черты земледельческой культуры у восточных славян [Тароева 1965].

Финляндские исследователи также отмечают заимствование славянских черт в земледельческой культуре финнов. По мнению Т. Вуорела и И. Талве средневековыми славянскими заимствованиями в восточно-финской культуре можно считать следующие реалии: восточный тип серпа, пришедший на Карельский перешеек в XII в. из новгородских земель (такой тип серпа затем распространился и на другие восточные области Финляндии, слово *sipri*

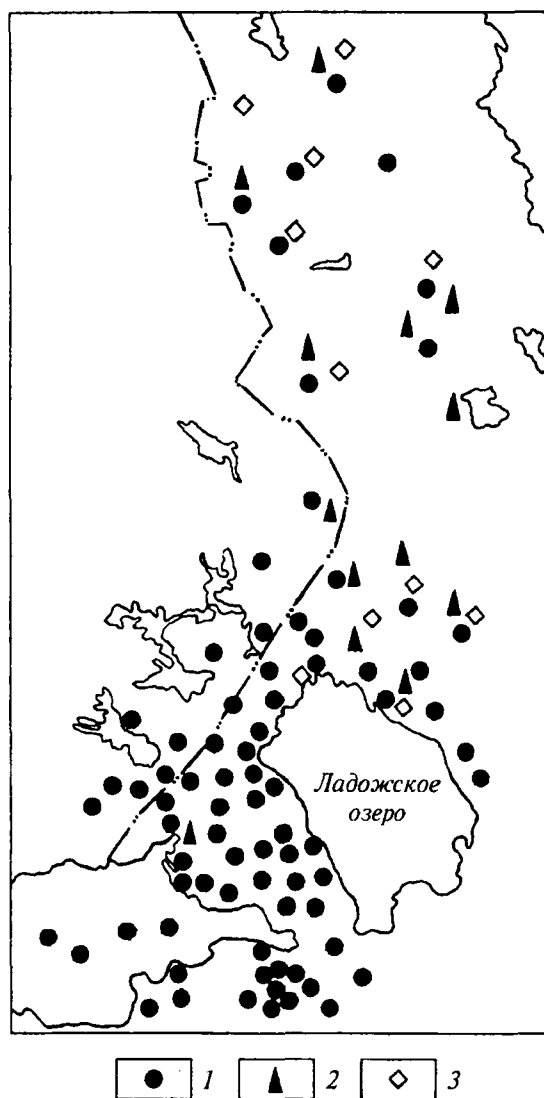
‘серп’ в финский язык пришло из русского); новый тип сохи, пригодной для вспашки подсеки. Этот тип распространен преимущественно в Восточной, Центральной и Северной Финляндии, включая территорию Карелии и Русский Север. На западе Финляндии этот тип имеет слабое распространение [Vuorela 1976. Карты 6–8, 14], в конце железного века от славян был заимствован закрытый тип печи, обусловивший особенности приготовления пищи, новый тип курной избы, толокно (*фин.* talkkupa из *рус.* ‘толокно’), еда из которого вплоть до последнего времени культивировалась на осенних праздниках сбора урожая, а также восточно-финский хлебный квас *vaassa* (из *рус.* ‘квас’). Восточно-финская традиция употребления пирогов и мягкого хлеба также имеет русские истоки [Vuorela 1976; Talve 1980].

В заключение отметим следующее. Во-первых, в восточно-финской культуре содержится значительное число древних признаков, которые являются общими для всех финно-угорских народов (в частности, в области промыслового хозяйства). Во-вторых, общий культурный слой образовался в средние века в связи с освоением земледелия. Эти черты, заимствованные у славян, составили со временем существенную часть восточно-финской культуры. Недаром о них принято говорить как о специфических восточно-финских признаках. В-третьих, в некоторых районах наблюдаются остатки типично карельской культуры уже после того, как православные карелы переселились из провинции Северная Карелия и Карельского перешейка за границу, в Россию.

Культура Приграничной Карелии и восточно-финская культура. Анализ этнической культуры Приграничной Карелии основывается на картографических данных, отражающих особенности материальной культуры. Финское картографическое исследование [Vuorela 1976, Sarmela 1994] базируется на национальной методике анализа, в которой культура Приграничной Карелии рассматривается как часть культуры остальной Финляндии. В этих картах очертания восточной границы распространения признаков оставлены открытыми.

Было бы неправомерным рассматривать Приграничную Карелию прежде всего в рамках финской народной культуры или считать данный регион территорией проникновения западно-финских черт, как представляет это И. Талве [Talve 1980]. Приграничная Карелия является также и территорией инноваций. Ниже для сравнения мы использовали исследование Р. Ф. Тароевой «Материальная культура карел» (1965). Данные, касающиеся средних или сегозерских карел, проживающих в Медвежьегорском районе Карелии, взяты из книги «Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX — начала XX века», вышедшей под редакцией Р. Ф. Никольской и А. П. Косменко [Сег. кар. 1981].

Как уже было отмечено выше, считается, что Приграничная Карелия относится к региону общей восточно-финской культуры. В восточно-финской традиции есть много общих устоявшихся признаков из области земледелия, жилища, строительства и пищи. Многие из них перекочевали от восточных славян через посредничество карел к восточным финнам. Наряду с этими чертами материальной культуры, восходящими к средневековью, можно назвать и другие, общие для восточных финнов черты: прясла для сушки снопов, скирда (*pieles*), употребление решета для провеивания зерна, тип цепа (*linkkuvarsta*), использование веретена при прядении, восточный тип дровней, упряжь с дугой, смешанный хлев (*sekasantanavetta*), подушка (*päänalusta*), способ шитья рукавиц (*kinnasompelu*), лоскутное одеяло (*ruutuvaijappareitto*), тип лаптей (*lötöt*), название колыбели (*kätkyt*), изготовление колбасы (*jauhomaakkara*), ухват [Talve 1972; Vuorela 1976; Тароева 1965]. Общие черты относятся к земледелию, жилью, пище, одежде, средствам передвижения и текстилю. Одним словом, почти во всех сферах материальной культуры имеются общие восточно-финские

Традиционная материальная культура Приграничной Карелии.

1 — пироги с тонкой коркой, 2 — овсяный кисель, 3 — овсяный хлеб.

признаки, которые обнаруживаются также в культуре Приграничной Карелии. С другой стороны, налицо этнокультурное своеобразие Приграничной Карелии, что обычно подчеркивается и в этнографической литературе.

Рассмотрим некоторые черты традиционной материальной культуры с использованием доступных нам картографических данных. Выбранные черты имеют этнодифференцирующую силу, различая, с одной стороны, финнов и карел, с другой — различные группы карел. Одни признаки касаются пищи, другие — орудий труда и построек, третьи — одежды и средств передвижения. Рассматриваемые черты культуры часто называются в финской этнографии «карельскими». Такими карельская коса-горбуша, типичный для Приграничной Карелии амбар, карельский дом, название жилой части избы *pertti* и название рыбного пирога *kalakumiekkä* — все это встречается на территории Финляндии только в Приграничной Карелии и в самой восточной части провинции Северная Карелия — в Иломантси [Vuotela 1976. Карты 15, 26, 35, 34, 49].

Некоторые черты, относящиеся в основном к пище и постройкам, также известны кроме Приграничной Карелии на Карельском перешейке и шире — в Юго-Восточной Финляндии. Это карельский хлев (*palsasnavetta* 'хлев на столбах'), карельская каша из проросшего зерна (*mämmi*), которая в Приграничной Карелии могла называться также *muigei imelä*, топленое молоко, сковородник, называемый *säplä*, женский головной убор сорока, ладожская лодка, а также восточная четырехколесная телега, которая известна также в южном Саво [Там же. Карты 32, 52, 57, 61, 72, 84, 80]. Такие особенности культуры, как пироги с тонкой коркой (наряду с толстой), овсяный хлеб, овсяный кисель (см. рисунок), солодовая каша (*mämmi*), солодовый хлебный квас, лежанка при печке, широко распространены в провинции Северная Карелия.

Многие особенности культуры Приграничной Карелии, отличающиеся от финской, встречаются также в восточных районах провинции Северная Карелия, прежде всего в

Иломантси. Совершенно ясно, что по чертам народной культуры Иломантси относится к Приграничной Карелии. Таким образом, Северная Карелия делится, в свою очередь, на два этнокультурных ареала: на западный, саволакский и на восточный, карельский.

Культура Приграничной Карелии в сравнении с культурой Олонецкой и Беломорской Карелии. За отправной пункт анализа возьмем такие признаки, которые встречаются у карел Приграничной Карелии, Русской Карелии, в отдельных случаях также в Иломантси и на Карельском перешейке, однако не известны у финнов. Рассмотрим особенности, относящиеся к пище, строительству, средствам передвижения и одежде.

Из пищи отметим карельскую кашу *mämmi*, которая в Беломорской Карелии называется *tuigei imelä*, в Олонецкой Карелии *idu*, в Средней (Сегозерской) Карелии *mämmi* [Сег. кар. 1981], пироги с тонкой коркой [Тароева 1965; Сег. кар. 1981] и хлебный квас [Тароева 1965], овсяный или ржаной кисель известен на всей территории Карелии [Vuorela 1976. Карта 51; Тароева 1965; Сег. кар. 1981], как и топленое молоко [Vuorela 1976. Карта 51; Сег. кар. 1981]. Сковородник *säplä* кроме Приграничной Карелии известен также в Олонецкой и Беломорской Карелии [Vuorela 1976. Карта 61].

Карельский хлев, кроме Приграничной Карелии встречается также в Русской Карелии [Vuorela 1976, карта 32; Тароева 1965]. Во всех трех карельских регионах жилое помещение называется словом *periti* или его производными [Тароева 1965; Сег. кар. 1981]. Голбец при печке известен в Олонецкой Карелии в виде лавки при печке, в Беломорской Карелии в виде шкафчика, который называется «козино» [Vuorela 1976. Карта 36; Габе 1941], в Средней Карелии в виде лавки [Сег. кар. 1981. Рис. на с. 74].

Двухэтажный карельский дом встречается также в Русской Карелии [Тароева 1965; Габе 1941]. В атласе финской народной культуры тип амбара Приграничной Карелии представлен как один из примеров восточно-финского амбара, для которого характерен длинный навес над стеной с входной дверью. Тип амбара Приграничной Карелии отличается от восточно-финского типа по устройству крыши. Хлебные амбары в Западной и Восточной Финляндии различаются по типу фундамента. В западно-финском типе амбара фундамент сделан из бревен и плах, в восточно-финском под углы ставились камни [Vuorela 1976. Карта 27]. В Русской Карелии амбары, которые в общем похожи на описанные выше, устанавливались прямо на землю без всякого фундамента [Тароева 1965].

По внешнему виду постройки Беломорской и Олонецкой Карелии различались в основном тем, что в Беломорской Карелии жилой дом и хлев ставились отдельно друг от друга, что особенно характерно для приграничной полосы. В таких постройках исчезает их этнодифференцирующее значение в сравнении с финской культурой. С другой стороны, в постройках Олонецкой Карелии видно сильное русское влияние. Дома с внешней стороны были очень разукрашены. Кроме резьбы использовали также краску. Дома беломорских карел по интерьеру для своего времени были более современными, чем олонецкие [Габе 1941; Тароева 1965].

Что касается средств передвижения, то следует отметить, что ладожский тип лодки, который применялся в Приграничной Карелии и на Карельском перешейке, не использовался за пределами Ладожского озера. В Олонецкой и Беломорской Карелии применялся тип лодки, известный также в современной провинции Северная Карелия (на территории Финляндии) [Vuorela 1976. Карта 84]. По устным рассказам в Приграничной Карелии знали также четырехколесную телегу, которая по форме соответствует восточному типу. По-карельски ее называли *jeleg* (от рус. 'телега') [Heikkinen 1989], в то время как телега, употребляемая на Карельском перешейке, называлась *gospuska* [Vuorela 1976]. Русские же

называли роспуской обыкновенные телеги для провозки грузов [Народы... 1964; Maslova 1976].

Головной убор под названием *sorokka* употребляли также карелы России [Vuorela 1976, Карта 72]. В Олонецкой, Беломорской и Средней Карелии сорокой называли твердый, украшенный головной убор [Kaukonen 1985; Тароева 1965; Сег. кар. 1981; Vuorela 1976, Карта 72]. Необходимо отметить, что хотя головной убор под названием *sorokka* использовался у всех групп карел, это был разный по форме и по способу изготовления головной убор. Такое различие между названием и содержанием известно этнографическим исследованиям. Есть много примеров тому, как слова при заимствовании могут менять значение. С этой методической проблемой исследователь сталкивается при изучении хронологически более ранних времен, названия отдельных предметов материальной культуры которых сохранились только в документах (например, в налоговых списках, завещаниях), но сами предметы уже не сохранились.

Таким образом, между народной культурой Приграничной Карелии и других карельских ареалов существуют довольно большие различия, поэтому исследователь не должен подходить к понятию «карельская культура» обобщенно. Определяя внутренние границы карельской культуры, Р. Ф. Тароева указывает, что в Русской Карелии (ее исследования не касаются Приграничной Карелии) диалектные границы соответствуют этнокультурным [Тароева 1965].

Как и следовало ожидать, в Олонецкой Карелии влияние русской культуры значительно сильнее, чем на севере. В Поморье сильнее финское и саамское влияние. Р. Ф. Тароева считает результатом финского влияния следующие явления: хуторскую систему расселения, обычай строить жилые дома и постройки для скота отдельно друг от друга (ср. карельский дом или новгородский тип дома), технику рубки углов (финский угол), использование мебели, изготовленной финскими столярами (ее либо покупали в Финляндии, либо финские мастера делали ее в Беломорской Карелии); в пищу было воспринято употребление кофе и ржаного хлеба с дыркой. Русские путешественники обращали большое внимание на пристрастие карел к кофе [Heikkinen 1983].

Из одежды были заимствованы у финнов вязанные шерстяные фуфайки, сшитые в Финляндии мужские костюмы, сапоги из сыромятной кожи (*pieksut*) и белые шерстяные варежки. Самопрялки для прядения тоже заимствованы у финнов [Тароева 1965]. Как видно, часть упомянутых выше черт культуры довольно позднего происхождения. Тем не менее они укоренились и стали составной частью народной культуры беломорских карел. Иногда такие явления заставляют финских исследователей и путешественников подчеркивать схожесть финской и карельской культуры [Heikkinen 1989].

Саамское влияние на беломорских карел сказывается в оленинстве. В пищу от саамов были восприняты блюда из крови [Тароева 1965].

Между беломорскими и олонецкими карелами существовали различия также в формах земледелия, в орудиях труда и в животноводстве. Например, только в Олонецкой Карелии держали свиней. Различия в средствах передвижения определялись тем, что в Олонецкой Карелии была более развита сеть дорог. Там же бытовал гнездовой тип расселения. Различия имелись и в типах построек, одежде и пище [Там же]. Основные различия между традиционной культурой Беломорской и Олонецкой Карелии в области рукоделия рассматриваются в работах А. П. Косменко. По ее мнению, наблюдаются явные различия в архаичной технике рукоделия [Косменко 1975]. Такого же деления придерживается Ю. Ю. Сурхаско в своем исследовании о карельской свадьбе [Сурхаско 1981].

Выше были описаны те черты, которые рассмотрены в финских и русских картографических исследованиях. Конечно, более тщательное изучение выявило бы и другие сходства между карелами Русской и Приграничной Карелии, а также различия между беломорскими карелами и карелами, живущими южнее. Но и на основе нашего описания можно сделать вывод о том, что Приграничная и Олонецкая Карелия образуют единый этнокультурный ареал. Этот вывод подтверждается и языковыми данными. В Приграничной Карелии говорили в основном на олонецком диалекте, который в русских источниках принято называть ливвиковским [Virtaranta 1968; Тароева 1965].

Говоря об этнокультурном ареале Олонецкой и Приграничной Карелии, необходимо напомнить о важности выделения временных срезов культуры. Р. Ф. Тароева выделяет в культуре Русской Карелии три хронологических пласта. Самый древний пласт, доступный для этнографического исследования, во многих отношениях схож с тем древним пластом, который выделяется и в культуре других финно-угорских народов. Из древнейших черт культуры Р. Ф. Тароева называет тип построек, лодки-долбенки, старинный тип лыж, лодки-волокуши, некоторые древние орудия рыбной ловли и охоты и архаичные способы хранения продуктов питания. Речь идет о единой культуре северного региона [Тароева 1965]. Финские исследователи (например, И. Маннинен в 1930-е гг.) также указывают на единообразие у народов севера древней промысловой культуры. Правда, по сравнению с более поздними исследователями Маннинен и Сирелиус говорят больше о финно-угорской общности. В целом же финские источники не дают достаточно достоверного представления о возможных различиях между западно-финской и восточно-финской культурой.

В земледельческой культуре Приграничной Карелии много общего с севернорусской культурой. К самому древнему общему культурному пласту относятся архаичные орудия труда (борона-суковатка, соха с развилиной, дугообразный серп), которые распространились по всей Восточной Финляндии. В конце средневековья и в новое время карельская традиционная культура заимствовала новые черты в основном от русских, хотя получала их также с запада. Хронологизация новых черт культуры — дело довольно сложное. Однако когда речь идет о Приграничной Карелии, эти черты часто являются этнодифференцирующими признаками между культурой финнов и приграничных карел. Поскольку данные признаки являются чуждыми для финнов, они считались вплоть до последнего времени типично карельскими [Heikkinen 1989]. В новое время роль культуры Западной Финляндии возросла также в Приграничной Карелии. С другой стороны, в XVIII–XIX вв. культура Приграничной Карелии стала испытывать воздействие городской культуры Петербурга. Р. Ф. Тароева считает это воздействие третьим культурным пластом, к которому она относит то новое, что внесла так называемая эпоха капитализма (или индустриализации). Сюда она относит деревянный плуг с железным лемехом, уличную планировку деревень (административное требование), такие предметы утвари, как самовар и кофейник, фабричные ткани, городские формы одежды и т. п. В этот период карелы испытывали воздействие, с одной стороны, русских, с другой — финнов (в Беломорской Карелии) [Тароева 1965].

Сделанный выше вывод о формировании этнокультурного ареала «Приграничная Карелия» считается сегодня общепринятым. Однако при этническом сравнении культур нередко уже в самой методологии заложен определенный субъективизм. Вопрос состоит в том, на основании каких признаков оценивается сходство или различие этнокультурных групп или ареалов. Ведь можно подчеркивать либо различия, либо сходство. Есть черты, о которых можно говорить одновременно как о сходствах и как о различиях в зависимости от уровня обобщения.

Приведем несколько примеров соотношения севернорусской и карельской культуры. Как российские карелы (а также приграничные карелы), так и русские знают овсяный кисель.

Различие состоит в том, что русские ели этот кисель в горячем виде, а карелы в холодном [Народы... 1964; Maslova 1976; Тароева 1965]. С точки зрения заимствования культурных черт интересное смешение связано с рыбником. Русские знали рыбник (рыбный пирог), который соответствовал карельскому рыбному пирогу kalakumiekkka. Но курник у русских обозначал пирог из курицы или говядины [Народы... 1964; Maslova 1976]. Третьим примером, говорящим одновременно о сходстве и различии, может быть следующий: карельскому слову *perit* соответствует в русском слово «изба» [Vuorela 1976. Карта 34]. Правда, слово *perit* известно и в русском языке, но там оно считается архаизмом, обозначающим жилую карельскую избу [Даль 1979].

Приведенные выше подробности свидетельствуют о некоторой субъективности в исследовании этнического аспекта культуры. Проблема состоит в «способе прочтения», интерпретации черт культуры. Можно говорить также о семиотике предметов, которая не всегда одинаково понимается каждым членом этноса, не говоря уже о постороннем человеке. Что люди считают и считали в течение столетий характерным для своего этноса? По каким признакам люди сами определяли этнокультурные ареалы? Исторически на этот вопрос почти невозможно ответить посредством этнографии или какой-либо иной только одной науки (археологии, истории или языкознания).

Литература

- Габе 1941 — Габе П. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.
- Даль 1979 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 2. М., 1979.
- Косменко 1975 — Косменко А. П. Карельская народная вышивка второй половины XIX — начала XX века // Сов. этнография. 1975. № 1.
- Народы... 1964 — Народы Европейской части СССР. I / Под ред. В. А. Александрова, К. Г. Гуслистова, А. И. Залесского и др. М., 1964.
- Сег. кар. 1981 — Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX — начала XX века / Под ред. Р. Ф. Никольской, А. П. Косменко. Л., 1981.
- Сурхаско 1981 — Сурхаско Ю. Ю. О русско-карельском этнокультурном взаимодействии (по материалам свадебной обрядности конца XIX — нач. XX в. // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.
- Тароева 1965 — Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М.; Л., 1965.
- Alapuro 1980 — Alapuro R. Finland: An interface periphery // Research Reports. [Helsinki.] 1980. № 25.
- Heikkinen 1983 — Heikkinen K. Russian visitors to Karelia: Identity and a critical review of the sources // Ethnologia Fennica: Finnish studies in ethnology 1982–1983. 1983. Vol. 12.
- Heikkinen 1989 — Heikkinen K. Karjalaisuus ja etninen itsetajunta. Salmin siirtokarjalaisia koskeva tutkimus // Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja. 1989. № 9.
- Hämynen 1993 — Hämynen J. Liikkeellä leivän tähden. Rajakarjalainen väestö ja sen toimeentulo 1880–1940 // Historiallisia tutkimuksia 170. Tampere, 1993.
- Kaukonen 1985 — Kaukonen F. J. Suomalaiset kansanpuvut ja kansallispuvut. Porvoo; Helsinki; Juva, 1985.
- Maslova 1976 — Maslova G. S. Kulkuneuvot. Rakennukset. Ruoka ja astiat. Vaatteet // Venäläinen perinnekulttuuri / Toim. K. V. Čistov. Helsinki, 1976.
- Sarmela 1994 — Sarmela T. Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurin kartasto. 2. Helsinki, 1994.
- Talve 1972 — Talve J. Suomen kulttuurirajoista ja kulttuuri-alueista // Suomalainen tiedeakatemia: Esitelmät ja pöytäkirjat 1971. Helsinki, 1972.
- Talve 1980 — Talve J. Suomen kansankulttuuri. Helsinki, 1980.
- Virtaranta 1968 — Virtaranta P. Karjalan kielen sanakirjan johdanto // Karjalan kielen sanakirja I. Helsinki, 1968.
- Vuorela 1976 — Vuorela T. Suomen kansankulttuurin kartasto. I. Aineellinen kulttuuri. Helsinki, 1976.